

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 СЕНТЯБРЯ

№ 17

1867 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

Экземпляры Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за прежніе года можно получать въ той же Редакціи, по 2 руб. 50 коп. за каждый годъ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О приглашеніи священноцѣльныхъ инослужителей Тамбовской Епархіи содѣйствовать собранію подробныхъ свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

ПРОГРАММА

для собранія

НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧДЕВЪ.

(Окончаніе).

Особый видъ личнаго найма составляетъ у насъ *наемъ рекрутъ*: нужно опредѣлить—какія условія заключаются при совершеніи этого договора вообще? (Напр. платежъ со стороны нанимателя за наемщика податей до новой ревизіи и другія). Въ частности, какія обязанности хозяина въ наемщику до сдачи послѣдняго въ солдаты? Какое значеніе при этомъ имѣетъ гульба рекрута на хозяйскій счетъ? Какъ велика бываетъ плата за наемъ рекрутъ? Какія заключаются условія относительно наемной суммы? Какимъ образомъ распредѣляется наемная плата между обществомъ, наемщикомъ и семействомъ послѣдняго? Какія отношенія

устанавливаются между наемщикомъ и хозяиномъ, а также между семействами того или другаго по сдачѣ наемца въ рекруты? При какихъ условіяхъ наемщикъ имѣетъ право на постоянное полученіе известной суммы въ теченіи своей военной службы? Бываетъ-ли въ числѣ условій найма поддержка нанимателемъ хозяйства наемщика? Какое обезпеченіе дается остающемуся послѣ наемщика семейству (отцу, матери, дѣтямъ)? Какую роль играютъ наемщики по выходѣ въ безсрочный отпускъ или въ отставку въ томъ семействѣ, за которое они исполнили рекрутскую повинность? Не принимаютъ ли они участія въ общемъ семейномъ капиталѣ этого семейства или въ наслѣдствѣ послѣ нанимателя? Какъ разрѣшаются возникающіе при этомъ споры?

Какіе существуютъ виды и формы имущественнаго найма (напр. домовъ, амбаровъ, гумень, частныхъ и общинныхъ земель—для пахоты, сѣнокоса, пастбища и прирощенія домашнего скота для работы или для приплода и т. п.)? Какого рода заключаются при этомъ условія—словесныя или при свидѣтеляхъ или письменныя?

Въ чемъ заключается и подъ какими условіями производится дача разнаго рода вещей (земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и т. п.) на поддержаніе и прирощеніе домашнего скота для приплода и изъ приплода, и въ какихъ формахъ совершается ссуда предметами разнаго рода (напр. зерновымъ хлебомъ для посѣва, или изъ приспа—прибавки; сѣмянными другими припасами и т. п.) и какое опредѣляется вознагражденіе за ссуду?

Въ какой формѣ совершаются разнаго рода займы? Какія существуютъ формы роста на деньги (количество процентовъ деньгами, или какими-либо припасами, напр. дачѣ хлѣба въ займы изъ приспа, исполненіемъ работъ или услугъ или работъ и т. п.)?

Какіе бываютъ случаи *мѣны* недвижимыхъ имуществъ (напр. мѣна пашенными полями, десятинами, сѣнокосными полями и пр.)? Какъ совершается и подъ какими условіями мѣна движимыхъ вещей (напр. мѣна лошадей и значеніе при этомъ барышниковъ, обычаи мѣны домашнею птицею)? Какіе существуютъ обычаи и предрасудки при мѣнѣ разныхъ вещей?

Какіе существуютъ различные роды и виды *складчинъ*, *товариществъ* и *артелей*? Какія заключаются при этомъ условія вообще, относительно очереди исполненія или права работы (напр. жребія между ямщиками и извозчиками), а относительно дѣлежа заработковъ и убытковъ? Въ чемъ заключается внутреннее устройство разныхъ артелей?

Какія бываютъ разнаго рода *поклажи*? Чѣмъ обезпечиваются эти договоры? Бываютъ ли условія относительно вознагражденія при отдачѣ вещей на сохраненіе?

Б. Уголовное право.

1. Каковъ взглядъ крестьянъ на преступленія и проступки вообще, а также взглядъ ихъ на преступниковъ? Какое полагается крестьянами различіе между преступленіемъ и грѣхомъ? Какія въ данной мѣстности по преимуществу господствуютъ преступленія и въ чемъ именно заключается причина совершенія ихъ? На какія вообще преступленія крестьяне смотрятъ строже, нежели наши законы, и наоборотъ какія преступленія считаются менѣ важными, хотя по законамъ строго наказываются (напр. преступленія противоестественныя)?

Примѣчаніе. На островѣ Руно напр. воровство почти невѣдомо; на памяти старожиловъ въ 1857 году, когда былъ тамъ г. Шульцъ, было только два примѣра. Мирная сходка сажаетъ провинившагося въ особое строеніе—вардьеръ—на хлѣбъ и на воду; ближайшія присутственные мѣста въ Аренсбургѣ,—а потому жителямъ Руно приходит-

ся самимъ чинить судъ и расправу. Но это нисколько мѣшаетъ отправить провинившагося при первомъ умномъ случаѣ въ Ордунгсгерихтъ, для поступленія нимъ по законамъ.

2. Полагается ли различіе между одними и тѣми преступленіями, совершаемыми при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ времени, мѣста, какъ-то: совершено преступленіе днемъ и ночью, со взломомъ и безъ взлома, изъ-подъ караула или съ открытаго поля? и т. п.

3. Каковъ вообще взглядъ крестьянъ на отдѣльные роды преступленій—убійства, грабежи, разбой, воровство и т. п.? Какія главные причины этихъ преступленій (месть, азартъ, пьянство, желаніе воспользообаться чужимъ добромъ, драки и т. п.)?

4. Какъ часто бываютъ самоубійства и какими способами они преимущественно совершаются (повѣшеніе, утопленіе, зарѣзаніе и т. п.)? Какія причины самоубійствъ?

Примѣчаніе. Сюда относятся напр. религіозныя убійства (напр. между раскольническими сектами—самосожигателями и морельщиками), стыдъ (*) месть (напр. въ рые инородцы—черемиса, вотяки и другіе изъ желанія мстить сосѣду—сдѣлать сухую бѣду—вѣсятся на его вѣтахъ), пьянство и проч.

5. Какъ часто бываютъ дѣтоубійства и изгнаніе плода? Какія тому причины? Считается ли изгнаніе плода жесткимъ преступленіемъ или только грѣхомъ? Не составили ли изгнаніе плода для нѣкоторыхъ лицъ ремесло? И при этомъ употребляютъ средства—дѣйствительныя и евѣрные?

6. Какія бываютъ преступленія противъ общества?

(*) Бывали примѣры такого рода, что пойманному вору украденныя вещи привѣшивали на шею и такимъ образомъ водили его по селенію, кое наказаніе было причиною, что послѣ него нѣкоторые изъ себя жизни.

ной нравственности и какія ихъ причины? Строго ли преслѣдуются изнасилованія и растлѣнія, пороки противоестественные (скотоложство и мужеложство), сводничество и развратъ, какъ ремесло, пьянство, снохачество и т. п.? Составляетъ-ли это послѣднее (снохачество) исключительную принадлежность извѣстной мѣстности или извѣстнаго рода людей и вообще какъ смотритъ міръ на снохачей (сношниковъ)?

Примѣчаніе. Въ Малороссіи существуетъ обычай, что если какая-либо дѣвица ведетъ себя дурно, то сходка дѣвицъ покрываетъ ея голову, такъ, какъ бы женщину, и тогда она называется: „покрыткой“.

7. Какія въ данной мѣстности бывають преступленія противъ общественной и частной собственности? Какой вообще взглядъ поселянъ на воровство, совершаемое домашними (членами семьи, прислугою или односельцами)? Строго ли преслѣдуются мелкія воровства и кражи (воровство домашнихъ животныхъ и птицъ, воровство собакъ, голубей, пчель; воровство плодовъ съ чужихъ полей, изъ чужихъ огородовъ и вообще взглядъ поселянъ на воровство съ полей)? Какое вознагражденіе платится за владѣніе домашнимъ скотомъ, а также за убіеніе домашняго скота? Не отдается ли предпочтенія въ этихъ случаяхъ тому или другому животному (*)?

Примѣчаніе. Воровство между крестьянами въ Остзейскихъ губерніяхъ встрѣчается рѣдко; украсть у помещика въ глазахъ ихъ не очень грѣшно, а брать съ ѣстные припасы—считается по ихъ мнѣнію почти дозволеннымъ, если нужда къ тому вынуждаетъ. Воровство же плодовъ съ чужихъ полей преслѣдуется очень строго.

(* Напр. въ Сибири особенную роль въ этомъ отношеніи играетъ свинья, а у киргизовъ овца: за погубленіе этихъ животныхъ требуется большое вознагражденіе, нежели сколько дѣйствительно стоятъ; основаніемъ этому служить то, что дѣнится тутъ могущій быть отъ нихъ обильный приплодъ.

8. Какой вообще существуетъ взглядъ на завладѣніе чужимъ имуществомъ, на ловлю птицъ и звѣрей въ общественныхъ и частныхъ лѣсахъ, ловлю рыбы въ общественныхъ и частныхъ озерахъ, рѣкахъ и прудахъ?

9. Въ чемъ въ особенности заключаются причины и слѣды которыхъ, повсемѣстно распространенныхъ, преступленій *конокрадства* и *лѣсныхъ порубокъ*?

10. Какое, въ частности, имѣетъ вліяніе *конокрадства* на благосостояніе жителей вообще? Кто преимущественно занимается имъ, какъ ремесломъ, и вообще какую роль и значеніе *конокрады* (*) имѣютъ въ селеніяхъ? И почему *конокрадство* существуетъ какъ ремесло? Не бывали ли выкупа лошадей у *конокрадовъ*, и какія при этомъ случаѣ заключаются сдѣлки?

Примѣчаніе. Напр. въ Сибири *конокрадствомъ* преимущественно занимаются поселенцы. Нерѣдко укравшій лошадь скрываетъ ее въ лѣсу, идетъ къ хозяину и условливается съ нимъ о платѣ за отысканіе лошади. Когда условіе заключено и деньги получены, тогда поселенецъ указываетъ крестьянину мѣсто, гдѣ отыскать лошадь.

11. Въ чемъ заключаются причины *лѣсныхъ порубокъ*? Въ какихъ лѣсахъ преимущественно производятся порубки (въ частныхъ, владѣльческихъ, общественныхъ) и почему? Какія изъ порубокъ, по понятіямъ о чести, считаются крестьянами преступными или непроступными? Какимъ образомъ совершаются порубки (напр. скопомъ, въ большихъ селеніяхъ)? Какимъ образомъ порубщики стараются скрыть слѣды преступленій? Какое значеніе имѣетъ при этомъ присяга, какъ судебное доказательство, и какъ часто бываютъ при этомъ *лжесвидѣтельства* и *клятвопреступленія* и въ чемъ лежитъ ихъ причина? Чѣмъ обезпечиваются

(*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Казанской губ. называемые *конокрадами*.

ется, наконецъ, сохранность лѣсовъ частныхъ и общест-
венныхъ; не бываетъ ли при этомъ какихъ-либо сдѣлокъ
между селеніями и частными лицами и между селеніями
одного съ другимъ?

Примѣчаніе. Порубка чужаго лѣса въ Эстляндіи слу-
чается очень часто: нѣкоторыя мѣстности не имѣютъ со-
вершенно лѣсовъ—а въ городахъ требуется топливо—по-
тому сосѣдній лѣсъ представляетъ много заманчиваго, тѣмъ
болѣе, что въ Ревелѣ, напр. за сажень или три воза дровъ
даютъ охотно $4\frac{1}{2}$ р. и, слѣдовательно, рискъ попасться—
вознаграждается хорошимъ сбытомъ украденнаго.

12. Какія вообще совершаются преступленія и про-
ступки противъ *народнаго здоровья*? (напр. продажа заражен-
наго скота, прогонъ его, провозъ и продажа заражен-
наго мяса и кожъ, приготовленіе иванъ-чая; окармливаніе
рыбы въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ; разныя вредныя
примѣси въ жизненные припасы (соль, муку, молоко, вино
и т. п.).

Примѣчаніе. Г. Шульцъ замѣчаетъ, что онъ о подоб-
ныхъ преступленіяхъ и не слыхалъ у прибрежныхъ жите-
лей Остзейскаго края.

13. Какіе существуютъ виды пристанодержательства,
укрывательства бѣглыхъ? Что бываетъ причиною ихъ? Ка-
ковъ вообще взглядъ поселянъ на бродяжничество, нищен-
ство и странничество (разныя виды и формы ихъ)? Какія
причины развитія ихъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ? Какія
существуютъ артели этихъ людей и на какихъ основані-
яхъ устраиваются онѣ? Какія бываютъ разнаго рода сред-
ства успѣшнѣе промышлять своимъ ремесломъ (напр.
прослыть колдуномъ, знахаремъ, сдѣлаться кликушею,
притвориться больнымъ и увѣчнымъ, юродивымъ и свя-
тымъ)? Какой вообще взглядъ крестьянъ на эти разнаго
рода обманы?

Примѣчаніе. Въ прибрежьи Остзейскихъ губерній скрыть и помочь контрабандисту считается дѣломъ чести. Только что лодка явится съ запрещеннымъ товаромъ—преимущественно съ солью—и всѣ, большіе и малые спѣшатъ ее разгрузить. Если при этомъ вмѣшивается таможенная стража, а крестьяне чувствуютъ себя сильнѣе солдатъ, то дѣло доходитъ до стычекъ и кончается иногда убитыми.

14. Какое вліяніе на совершеніе разныхъ преступленій имѣютъ народныя суевѣрія?

15. Въ чемъ заключаются причины существованія преимущественно тѣхъ или другихъ преступленій въ одной или другой мѣстности, смотря по характеру жителей, по привычкамъ и занятіямъ, ихъ предразсудкамъ, такъ по удобству совершенія и скрытія слѣдовъ, по равнодушію жителей, или по невозможности и опасности пресѣдовать ихъ и т. п.?

16. Какое, наконецъ, преступленія имѣютъ въ одной мѣстности, вліяніе на народную нравственность, образованіе, развитіе и на матеріальное благосостояніе селянъ?

В. Общественный бытъ, судъ и расправа.

1. Каковы понятія народа о власти и государственномъ устройствѣ? Въ чемъ заключается устройство общины и общиннаго управленія? Какое отношеніе существуетъ между отдельными членами общины, семействами и самою общиной? Какое участіе принимаетъ община въ положеніи отдельныхъ членовъ и семействъ (въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ) и, въ частности, въ раздорахъ семейныхъ?

2. Въ чемъ заключается внутреннее устройство (организация) общественныхъ собраній (мірскихъ сходокъ, сѣдовъ)

янокъ, вѣчь—новгородскихъ, громадъ—малороссійскихъ)? Существуетъ ли различіе между различными общественными собраніями—сходками, по времени и мѣсту ихъ собранія и по свойству обсуждаемыхъ на нихъ дѣлъ?

3. Каковъ составъ разнаго рода сходокъ, т. е. кто предсѣдательствуетъ на тѣхъ или другихъ сходкахъ, кто на нихъ имѣетъ право участвовать какъ съ правомъ голоса, такъ и безъ этого права, какъ въ качествѣ члена, такъ и въ качествѣ зрителя? Въ частности, какую роль играютъ на сходкахъ женщины и малолѣтныя, т. е. допускаются ли они на сходки, и если допускаются, то когда именно, въ какихъ случаяхъ? Опредѣляется ли возрастъ, чтобы имѣть право участія на сходкахъ? Въ какихъ случаяхъ допускается представительство однихъ лицъ за другихъ (отца за дѣтей, мужа за жену, матери за малолѣтнихъ дѣтей, старшихъ родственниковъ за младшихъ и т. п.)?

4. Кто имѣетъ право собрать мирскую сходку и въ какихъ случаяхъ?

5. Гдѣ и въ какое время бывають сходки?

6. Въ чемъ заключается существенное отличіе сходокъ собираемыхъ для обсужденія дѣлъ общественныхъ (сходки правительственныя и сходки по дѣламъ общественнымъ), отъ сходокъ, на которыхъ творится судъ и расправа, какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ (сходки судебныя)? Какія предметы подлежатъ вѣдомству сходокъ по дѣламъ общественнымъ (независимо отъ сходокъ такъ наз. частныхъ)?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на слѣдующіе предметы: общественныя постройки (магазиновъ, церквей, часовень, дорогъ и т. п.); общественныя запашки, городьбу общественныхъ полей; мѣры противъ наводненій, обваловъ береговъ рѣки или обваловъ горы; устройство плотинъ, мельницъ, канавъ, водоемовъ и

подорожные; раскладку государственных податей, верстку государственных и общественных повинностей (подводной и подорожной); определение очереди отправления рекрутской повинности; раздѣлъ и передѣлъ общественных земель вообще и сѣнокосныхъ полей въ частности; способы пользованія разными земельными и дѣсными угодьями, дѣсными розчищами (лядинами, подсѣками, выями, ролинами и пр.); размежеваніе земель и существующіе при этомъ обычаи (напр. не сохранилось ли гдѣ-либо старинныхъ обычаевъ, существовавшихъ при межеваніи — отводъ земель съ иконою, крестомъ, положеніе въ спорахъ на голову дерна или земли и т. п., также не сохранилось ли гдѣ-либо обычая во время отвода межъ и постановленія межевыхъ знаковъ съчъ малолѣтнихъ дѣтей съ тою цѣлью, чтобы въ послѣдствіи чрезъ этотъ способъ они легче могли, при спорахъ, въ качествѣ свидѣтелей указать на то мѣсто, гдѣ положена была грань); отводъ въ оброчное содержаніе излишнихъ земель, наемъ земель за недостаткомъ собственныхъ; вопросы о принятіи новыхъ членовъ въ общину и увольненіе и удаленіе членовъ изъ общины (по собственному ли ихъ желанію или по благонадежности); вопросы о переселеніяхъ на другія мѣста; значеніе ходяковъ и видяковъ, посылаемыхъ по случаю обществами, даваемое этимъ лицамъ содержаніе, вознагражденіе, ихъ отчетность и отвѣтственность передъ обществомъ; переходъ въ другія состоянія (напр. мѣщане, казаки и т. п.); выборъ повѣренныхъ для ходатайствъ по тяжбы дѣламъ обществъ, снабженіе этихъ повѣренныхъ довѣренностями, плата имъ за труды, отвѣтственность и отчетность ихъ предъ обществомъ; выборъ лицъ въ общественныя должности (головы, старшины, старосты, бросовѣстные, сборщики, сотскіе, десятскіе, смотрители магазиновъ, церковныя старосты, караульщики общественныхъ полей и т. п.); опредѣленіе очереди службы и

чины освобожденія и увольненія отъ общественныхъ службъ; денежные добровольные сборы на общественныя надобности (устройство общественныхъ зданій, церквей и часовенъ, приобрьтеніе для нихъ вещей, общественныя молебствія по случаю неурожая, засухи, саранчи, наводненій, повальныхъ болъзней и т. п. народныхъ бѣдствій, на явленіе разнымъ должностнымъ лицамъ, на общественныя праздники, помочи, угощеніе проезжающихъ и т. п.); заказъ (запрещеніе рубки) лѣсовъ, въ чемъ онъ состоитъ, вообще устройство общественныхъ лѣсовъ и принимаемая мѣры для охраненія этихъ лѣсовъ, а также для сохраненія рыбныхъ и другихъ ловель и т. п.

7. Какіе предметы подлежатъ вѣдомству судебныхъ сходокъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ? Кто приглашаетъ на судъ тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей, судей? Какія бываютъ послѣдствія слушанія и неявки на сходъ? Въ чемъ состоитъ обвиненіе и защита? Какимъ порядкомъ происходитъ собраніе голосовъ (представить примѣры)? Какія существуютъ въ крестьянскомъ судѣ разнаго рода судебныя доказательства и улики: свидѣтели, поличное, собственное признаніе, присяга, клятвы и божбы, жребій, принесеніе иконъ во время отвода земель, снятіе со стѣны иконъ при другихъ судебныхъ случаяхъ, вынятіе земли ихъ подълѣвой пяты и т. п.? Какія въ частности существуютъ судебныя доказательства права на отдѣльную недвижимую собственность и собственности общественной (или бывшей помѣщичьей) — показаніе старожиловъ и т. п.? Въ случаѣ споровъ, чѣмъ удостоверяется существованіе обычая, какъ судебнаго, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, доказательства? Какимъ образомъ производится рѣшеніе дѣлъ: или цѣлымъ міромъ, или избранными судьями, стариками, посредниками? Грѣхъ по-лоамъ (въ случаѣ гибели напр. скота во время вѣстьбы, или въ случаѣ недостатка доказательствъ для

разрѣшенія спора), существуетъ ли кабая особая форма судебныхъ рѣшеній?

8. Какія вообще предпринимаются міромъ мѣры къ устраненію и прекращенію преступленій вообще? Въ частности, какія мѣры предпринимаются противъ заразы скота, повальныхъ болѣзней (напр. опаживаніе, окуриваніе четверговая соль), пожаровъ (поставленіе противъ огня образцовъ) и другихъ общественныхъ бѣдствій?

Примѣчаніе. Въ Сибири, на Барабѣ, во время скорой чумы, кладутъ на ворота пласть дерна; на концахъ улицы горятъ постоянно деревянные огни, т. е. полученные отъ тренія дерева объ дерево; въ кучахъ горитъ обыкновенный сухой кизякъ (замѣч. Н. С. Щукина).

9. Какія наказанія община употребляетъ противъ своихъ виновныхъ членовъ? Какіе роды наказаній преимущественно употребляются противъ извѣстныхъ преступленій? Какія изъ наказаній, по взгляду народному, считаются вообще наиболѣе тяжкими или обезчещивающими (лишеніе свободы, денежные штрафы, тѣлесныя наказанія) и въ частности, взглядъ народа на тѣлесныя наказанія и на отпѣну? Какое вообще существуетъ понятіе народа о чести или безчестіи? что считается болѣе безчестнымъ (например дѣлается ли различіе относительно воровства друга друга, у общества, у казны) и, сообразно съ этимъ, назначаются въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ наказанія?

10. Въ чемъ заключается, въ отношеніи наказаній, власть главы семейства и самаго семейства, а также власть новъ его надъ единичными членами семьи? Можетъ ли глава семейства прибѣгать къ наказанію совершеннолѣтнихъ членовъ и какое участіе при этомъ принимаютъ отдѣльные члены семьи? Есть ли различіе во власти наказывать новъ семьи? именно, все ли равно, кто бы ни былъ — дѣдъ, отецъ, дядя, старшій братъ и даже племянникъ

Въ чемъ проявляется, въ частности, власть мужа надъ женою, отца и матери надъ дѣтьми?

11. Въ случаѣ рѣшенія дѣла миромъ, на сходкѣ, ка-кимъ образомъ объявляется приговоръ; какъ и къмъ онъ приводится въ исполненіе?

12. Въ какой степени волостные суды и правленія, сельскія расправы, удѣльные приказы и проч. при рѣшеніяхъ своихъ руководствуются мѣстными юридическими обычаями?

Общее примѣчаніе. При объясненіи того или другаго обычая необходимо въ точности означать мѣсто, гдѣ именно собраны свѣдѣнія (указывая губернію, уѣздъ или округъ, волость и даже селеніе), а также, если возможно, присовокуплять—составляетъ ли обычай принадлежность данной мѣстности, или же существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, въ той же или иной формѣ. Сбирать также, если возможно, свѣденія—составляетъ ли извѣстный обычай принадлежность русскаго населенія, или извѣстенъ и между инородцами, или заимствованъ даже у послѣднихъ. Точно также слѣдуетъ обшачать, по этой причинѣ, вниманіе на юридическіе обычаи инородческіе, опредѣляя, когда представится возможность, какое вліяніе русскіе обычаи имѣютъ на инородческіе и наоборотъ, такъ-какъ бываетъ, что и русскіе обычаи ведутъ свое начало отъ обычаевъ инородческихъ. А какъ существованіе обычаевъ всего лучше подтверждается приговорами, состоявшимися на мирскихъ сходкахъ, или въ крестьянскихъ судахъ и у мировыхъ посредниковъ, то особенно желательно получать самыя приговоры, на нихъ основанные.

II

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РѢШЕНІЕ ВАЖНАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ВОПРОСА.

Въ прибавленіи къ Сенатскимъ Вѣдомостямъ, въ которомъ печатаются рѣшенія кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, приведенъ случай, который подалъ поводъ къ рѣшенію весьма важнаго современного вопроса о томъ: имѣютъ-ли право мировые судьи подносить суду своему и рѣшенію дѣла, касающіяся священниковъ, безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ?

„Съѣздъ мировыхъ судей медынскаго мирового округа, разсмотрѣвъ дѣло, вступившее въ оный по апелляционной жалобѣ капитанъ-лейтенанта Панютина, объ отказаніи его, Панютина, священникомъ Лихачевымъ, нашему разбирательству дѣла сего въ мировыхъ учрежденіяхъ преждевременнымъ, такъ какъ дѣло это находится въ прямой связи съ дѣломъ объ оскорбленіи, нанесенномъ Пантину тѣмъ же самымъ священникомъ Лихачевымъ въ сентябрѣ 1866 г., каковое дѣло начато было въ духовной консисторіи, и оттуда не было препровождено въ мировыя учрежденія, а по сему жалоба Панютина на постановленіе мирового судьи объ отказѣ его въ разсмотрѣніи жалобы на священника Лихачева за клевету—мировымъ съѣздомъ оставлена безъ послѣдствій. На этотъ приговоръ мирового съѣзда капитанъ-лейтенантъ Панютинъ привнесъ Правительствующему Сенату кассационную жалобу, въ которой, возражая противъ постановленія мирового съѣзда, но не указывая, какой именно законъ нарушенъ съѣздомъ, объясняетъ, что утвержденіе мировымъ съѣздомъ постановленія мирового судьи отъ 11-го февраля онъ считаетъ правильнымъ и проситъ отмѣнить его. Выслушавъ по стоящему дѣлу заключеніе товарища оберъ-прокурора,

нѣя въ виду: 1) на что основаніи 2 ст. Учр. Суд. Уст. судебная власть учреждений, основанныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, распространяется на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла, какъ гражданскія такъ и уголовныя, при чемъ однако въ примѣчаніи въ той статьѣ пояснено, что судебная власть духовныхъ судовъ (и другихъ въ томъ примѣчаніи исчисленныхъ) опредѣляется особыми о нихъ поставленіями, 2) что по точной силѣ 1017 ст. Уст. Угол. Суд. лица духовнаго вѣдомства какъ за нарушеніе обязанностей ихъ званія, такъ и за тѣ противозаконныя дѣянія, за которыя въ законахъ опредѣлено подвергать ихъ ответственности по усмотрѣнію духовнаго начальства, — подлежатъ суду духовному и 3) что на основаніи 210—213 ст. Устава духовныхъ консисторій (Пол. Собр. Зак. 1841 г. Т. XV № 14409) лица духовнаго вѣдомства, виновные въ оскорбленіяхъ чести, къ каковымъ оскорбленіямъ относится и оклеветаніе кого-либо, подвергаются наказанію по опредѣленію епархіальнаго начальства, согласно правиламъ, въ томъ уставѣ опредѣленнымъ, Правительствующій Сенатъ признаетъ постановленіе медынскаго мирового съѣзда, коимъ онъ отказалъ Панютину въ разсмотрѣніи жалобы его на священника Лихачева, правильными, и вслѣдствіе сего, опредѣляетъ: кассационную жалобу капитанъ-лейтенанта Панютина, какъ *незаслуживающую уваженія, оставитъ безъ послѣдствій*. Мая 10 дня 1867 года.

О ПРОДАЖѢ «БИБЛІИ ВЪ ЛИЦАХЪ».

Книгопродавецъ-издатель г. Генкель просилъ Его Преосвященство Преосвященнаго Тамбовскаго Епископа Θεοφιλῆ сїя пригласить духовенство Тамбовской Епархіи къ выпискѣ изданной имъ — „Библіи въ лицахъ по уменьшеннымъ цѣнѣ, полагая за каждый экземпляръ, напечатанный посредствомъ литографій, по 5 р., вмѣсто 8, а съ пересылкою — 6 руб., за хромолитографированное же изданіе по 13 р., съ пересылкою 15 р. Резолюція его Преосвященства по сему предмету послѣдовала такая: „Консисторія имеетъ объявить объ изданіи по епархіи, съ приглашеніемъ духовенства заявить желаніе относительно подписки оное.“ Консисторія, вслѣдствіе резолюціи Его Преосвященства, приглашаетъ начальниковъ духовно—учебныхъ заведеній, настоятелей и настоятельница монастырей, обитателей гочинныхъ и вообще все духовенство къ выпискѣ — Библіи въ лицахъ.

Желающіе пріобрѣсти это изданіе могутъ обращаться съ просьбою о высылкѣ въ контору книгопродавца—издателя Вас. Егор. Генкель, въ С. Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, въ домѣ Утина.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 18 Августа 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

СЕНТЯБРЯ

№ 17.

1867 ГОДА.

НѢКОТОРЫЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ.

СЛОВА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА.

VI.

Празднуемъ нынѣ Святителю и Чудотворцу Николаю, скорому въсѣхъ помощнику во всѣхъ нуждахъ, скорбяхъ и тѣснотахъ. Да призритъ онъ на насъ свѣше и отъ престола славы Божіей, молитвою просивъ, къ намъ да ниспошлетъ утѣшительное и руководительное во всемъ осѣненіе небесной благодати. Это—и намъ, а тѣмъ паче Наслѣднику престола Всероссійскаго, Благочестивѣйшему Государю Великому Князю Николаю Александровичу—надеждѣ нашей и Отечества. Молясь о здравіи и спасеніи Его нынѣ, въ день тезоименитства Его, не его другаго лучше и пожелать Ему? Когда будетъ надъ Нимъ осѣненіе свѣше: все будетъ,—будетъ слава его, яко полудне, и престолъ его, яко днѣи елика.

Но, бр., участь царственныхъ лицъ не такова, какъ участь лицъ частныхъ, и устроеніе жизни ихъ не то же, что устроеніе жизни каждаго изъ

насъ. Частныя лица суть творцы своей участи. Участь царственныхъ лицъ и престоловъ—не отъ нихъ однихъ, а вмѣстѣ—отъ духа, правилъ и стремленій самаго народа. Какъ часто избраннаго и любезнаго царя отъемлетъ Господь вмѣстѣ съ престоломъ и царствомъ у народа, который самъ себя сдѣлалъ того достойнымъ! Въ сей мысли обращаясь въ будущее и молитвенно желая непрерывнаго ряда престолонаслѣдій въ Отецествѣ нашемъ, нельзя вмѣстѣ съ симъ желаніемъ не взять на себя и неотмѣнныхъ обязательствъ предъ лицемъ всеправящаго Промысла, исполненіемъ которыхъ опредѣляется наше достоинство милостей Божіихъ и условливается прочность престоловъ.

Престоль царственный будетъ у насъ въ вѣкъ вѣка, если мы сами изъ себя составимъ для него не человѣчески прочную, но достойную основанаго Божія покровительства основу.

Въ поясненіе сего укажу вамъ на скорбную участь, которая гласнымъ судомъ Божіимъ опредѣлена въ наказаніе за нравы ихъ худой и дѣла ихъ недобрыя. Послѣ сего сами уже вы наведеніе сдѣлаете: не будемъ таковы, и тойже участи не испытаемъ.

Былъ народъ—Вавилоняне. Богъ, по особеннымъ Своимъ намѣреніямъ, далъ ему силу, которой никто противостоятъ не могъ. И покорилъ онъ подъ власть свою весь востокъ. Смирненно воздавалъ бы славу Богу; но онъ возгордѣлся до того, что Бога не боялся и людей не страшился. За то вотъ судъ, изреченный чрезъ пророка Исаію на гордый Вавилонъ (14, 13): *ты реклъ еси во умъ твоимъ: на небо възиду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой. . . . следу выше облакъ, буду подобенъ Вышнему*

Иыиъ же во адъ спидеши и во основанія земли... и поверженъ будеши въ горахъ, яко мертвецъ... (25) И положу Вавилона пуста, яко возгнѣдитъ ея ежемъ, и будетъ ни во чтоже (23).—Это и исполнилось.

Такъ Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Смиримся подъ крѣпкую руку Божию и пребудемъ всегда смиренными, и Онъ не уничижать, а возносить паче и паче будетъ насъ всегда во славу.

Были Сиріане—народъ не сильный. Богъ благословилъ ихъ довольствомъ и много разъ ограждалъ безопасностію. Забыли они о Богѣ—помощникѣ, и, вмѣсто Сотворшаго, основали все надежды свои на однихъ союзахъ съ сосѣдними народами. За это Богъ прогнѣвался на нихъ... и вотъ судъ Его, чрезъ пророка Исаію, надъ Сирією и Дамаскомъ—столицею ея: Се Дамаскъ возметъ отъ градовъ, и будетъ въ паденіе (16, 1). Ктому не будетъ царства въ немъ, и останокъ Сиріанъ погибнетъ (—3)... за то, что оставилъ Бога Спаса... и Господа помощника (—10)... и возуповалъ на дѣла рукъ Его—народы... О мотъ множеству языковъ многихъ! аки море волнующееся, тако смятется. Какъ прахъ плевный (мякина) вьющихся противу вѣтра и какъ прахъ колесный (пыль) въ бурю, развѣетъ васъ гнѣвъ Божій по странамъ чуждымъ (—12).—Это и исполнилось—Такъ, бр., кто уповаетъ на людей, тѣтъ какъ на трость сокрушенную опирается. Отвращаетъ Господь лице Свое отъ него и предасть его въ руки паденія его. Уповающаго же на Господа милость обидетъ. Живый въ помощи Вышняго кровь Бога небеснаго водворится, не придетъ къ нему зло, и рана не приблизится тѣлеси его.—Таковъ законъ и относительно каждаго лица и от-

носителю злаго народа. Сами видите, что лежит на насъ по сему.

Были Тиряне, сѣмя купеческое, — купцы финикійскіе. Какъ сътыю оѣтили они путями кораблей все прибрежныя страны и стали сильными князьями земли. Но забывъ правду, въ безсердой корыти начали они потомъ поглащать чуждое достояніе, какъ пѣвица сосеть чужую кровь. И вотъ отмщеніе десницы Божіей неправедному купеческому народу: — *Плачитесь корабли Халкидонстїи, яко погиге Тиръ... и отвѣдѣся плыиенъ. Кто сія совѣща на Тира? Господь совѣща разсыпаетъ достояніе его и обезчеститъ славу его. Руки его къ тому не укрѣплетъ по морю, разгнѣвляющая царей... Къ тому не приложитъ укоряти и обижати... Возми гусли, обьди градъ, блудница забвенная, добръ погуди и воспой плачевную пѣснь о прежней слави твоей...* (Ис. гл. 23). — Это и исполнилось.

Такъ, бр., неправда, насиліемъ или хитростію успѣвающая въ онеправдованїяхъ и чуждоприсвоенїяхъ, торжествуетъ обычно до времени; но есть Око блюдущее правую сторону. Исполнится мѣра беззаконїй, и судъ Божїй не закоснитъ. — Такъ для всякаго лица, такъ и для злаго народа.

Не продолжу болѣе указанїй. И такъ духъ смиренной покорности Богу, духъ совершенной преданности Его водителству и крѣпкаго упованїя на Него единого, духъ правды народа къ народу, чуждый всякаго неправеднаго присвоенїя и насилїя, — вотъ духъ благоудный, не гнѣвъ, а милость привлекающїй свыше и сообщающїй благонадежную крѣпость царствамъ. Богъ никогда не оставитъ народа, такъ расположеннаго и такимъ духомъ исполненнаго. Расположимъ же и мы себя

такъ, и милостивый Господь всегда будетъ плечами Своими осѣнять насъ и мышцею Своею укрѣплять и заступать. Вотъ недавно возетали на насъ: Вавилонъ—гордая Франція, Дамаскъ—слабая, опиравшаяся на союзы Австрія и Тиръ, сѣмя купеческое—торговая Англія. Какъ мы смирились предъ Господомъ, какъ рабы покорные и всеми оставленные, на Него одинаго возложили все свое упованіе, не чуждое присвоить, а свое только удержатъ желая: то и сподобились милостиваго прирѣнія и заступленія Божія. Какой духъ силы подалъ Онъ намъ, и въ какое смятеніе привелъ умы и сердца покушавшихся онеправдовать насъ? Такъ и всегда будетъ. Если сохранимъ сей духъ смиренія, упованія и правоты: Богъ не только сохранитъ насъ, но изберетъ въ орудіе исполненія Своихъ промыслительныхъ плановъ ко всемъ сопредѣльнымъ намъ народамъ, милость или судъ возвѣщающая имъ чрезъ насъ.

Я указалъ вамъ характеристическія черты всего лица народнаго, привлекающія милость Божію. Но народъ и самъ въ себѣ есть многосоюзное цѣлое. Какъ крѣпость тѣла нашего зависитъ отъ неповрежденности частей: такъ и крѣпость государства—отъ праводѣйствія составляющихъ его классовъ народа.—Возьмемъ опять учителемъ святаго Исаію, и поучимся отъ него, что требуется отъ насъ для прочности государства и въ семь отношеніи.—Духъ Божій вводилъ духъ сего пророка во все нити жизни народа Божія, и отмѣтилъ пророческимъ наложеніемъ суда и наказанія на все раздражающее Бога и привлекающее гнѣвъ Его. Прелуднайтесь къ этому также, чтобы видѣть, чему не слѣдуетъ быть и у насъ, если не хотимъ

потерять милости Божіей! Клязи твои, вельможи, знают, говоритъ святой пророкъ, не покоряются, замышляютъ новыя законы и новыя образы пріисланий. Сего ради тако глаголетъ Господь: горе крѣпкимъ о Израили,—не престанетъ ярость Моя на противныя, и непокаряющіхся погублю (1, 23). Судии твои, говоритъ далѣе пророкъ, всѣ гражданскіе чины, не мздѣ судятъ, за одно съ ворами и грабителями, мѣбятъ дары, сирѣмъ не судятъ, и суду вдовицъ не внимаютъ... Сего ради тако глаголетъ Господь: наведу руку Мою на васъ, и разжегу въ васъ чистоту и свѣтъ незаконныхъ погублю (—25). Какъ это, взываетъ потомъ святой Исаія, Сіонъ, градъ вѣрный, сталъ полонъ суда! Прежде въ немъ правда почивала, а теперь взошли грабители и обидчики, мѣрила неправедныя, серебро поддѣльное, вино смѣшанное съ водою!.. (—5, 20. 24). И такой пишетъ о нихъ приговоръ: горе глаголющимъ доброе лукавое, и лукавое доброе; полагающимъ горькое сладкое, и сладкое горькое! Какъ сгораетъ трость отъ угля огненнаго и сожигается отъ пламене разгорѣтагося.. такъ корень ихъ, яко персть, будетъ. Наложитъ руку свою на нихъ Господь и гнѣвомъ своимъ поразитъ ихъ.—Посмотрѣлъ потомъ пророкъ на то, какъ прочими лицами проводятъ время, и увидѣлъ, что съ ранняго утра вѣтаютъ, и ждутъ вечера (бала и театра), за тѣмъ, чтобъ веселиться съ гусями, и цѣвницами, и тимпанамъ, и свирѣлями; на дѣла же Господни—благочестныя порядки жизни не взираютъ и о дѣлахъ руку Его не помышляютъ.—И вотъ имъ судъ: разшири адъ душу свою и разверзи уста своя, и снидутъ съ него вси богатіи, безумно веселящіеся.

Посмотрѣлъ пророкъ на женщинъ, и вотъ что увидѣлъ: Вознесошася дщери Сіони, и ходиши въсоконо

и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно
ризы влекущія по долу, — (нынѣшній уборъ), — и ногами
купно играющія (танцы); — и вотъ что присудилъ
Господь: Смирить Господь начальныя дочери Сиона, и
отыметъ славу ризъ ихъ, и сплетенія златая... и
мониста, и заплетія, и художныя усерязи, и воспла-
чутся храмилица утварей ихъ (3, 16). — Когда, на-
конецъ, обозрѣлъ святой пророкъ весь народъ и
весь неправды его, то въ горести воззвалъ: тлѣ-
ніемъ истлѣетъ земля, и расхищеніемъ расхищена
будетъ... Земля бо беззаконіе сотвори живущихъ ра-
ди на ней, понеже преступиша законъ, и измѣни-
ша заповѣди, разрушиша заветъ съчмый (гл. 24).

Вотъ порядки жизни богопротивныя, привле-
кающіе судъ и наказаніе. Наказанія сіи поража-
ютъ грѣшнѣйшихъ по частямъ — каждою въ родѣ
своемъ. Но когда потомъ зло, неостанавливаемое,
охватываетъ весь народъ, вся земля полагается
пустою, и становится жилищемъ филиновъ и не-
топырей... Что слѣдуетъ изъ сего, сами видите.
Хотите упрочить царство? — надо бѣгать такихъ
дѣлъ и порядковъ, кои привлекаютъ гнѣвъ Божій
и поражаютъ все народное тѣло.

Идутъ ли къ намъ и въ какой мѣрѣ идутъ
вѣсь укеры и грозныя приговоры пророка, — сами
посмотрите. Дай Богъ, чтобы совѣтъ не шли; но
если идутъ, лучше исповѣдаться то и исправиться,
нежели прятаться подъ личину исправности, оста-
ваясь несправными. Не человѣческій судъ, а Бо-
жій... Око же Божіе и въ темныхъ сокровенно-
стяхъ все видитъ.

Вотъ мы часто хвалимъ себя, — святая Русь,
православная Русь. О, когда бы навсегда остаться
намъ святыми и православными, по крайней мѣрѣ

любящими святость и православіе! Какой вѣрныи залогъ несокрушимости имѣли бы мы въ титлахъ сихъ! Но осмотритесь кругомъ. Скорбно не одно развращеніе правовъ, но и отступничество отъ образа исповѣданія, предписываемаго православіемъ. Слышна ли была когда на русскомъ языкѣ хула Бога и Христа Его?! А нынѣ не думаютъ только, но и говорятъ и пишутъ и печатаютъ много богоборнаго. Думаете, что это останется даромъ? Нѣтъ. Живыи на небесѣхъ отвѣтитъ намъ гнѣвомъ Своимъ и яростію Своею смятетъ насъ. Западъ увлекаетъ насъ... На западъ уже заходитъ солнце правды. Мы—восточные должны пребыть во свѣтѣ и не только освѣщаться, но и свѣтить всѣмъ. Вотъ была недавно политическая коалиція противъ насъ. Слились мы всѣ въ одно желаніе, и пресѣкли самое покушеніе нападенія на насъ... Сдѣлаемъ тоже и въ дѣлѣ вѣры. Тамъ—на западѣ есть другая коалиція противъ свѣта вѣры нашей. Возстаютъ одни за другими: Штраусы, Ляроки, Ренаны, Бюхнеры, Фейербахи... Тучи злыхъ помышленій воздвигаютъ, чтобы омрачить солнце, освещающее насъ... О, даль бы Богъ, чтобы и въ отвращеніе сихъ враговъ слились мы всѣ въ живое единомысліе православія и совокупными усиліями свѣяли съ земли нашей навѣваемые оттуда тлѣтворныи вѣтры зломыслія. Вотъ англичане нынѣ отличаются вѣрностію началамъ вѣры своей. А прежде безбожныя ученія вѣдь у нихъ начались. Какъ же такъ успѣли они очиститься? Такъ, что когда безбожники начали у нихъ распространять свои ученія, они всѣ поднялись — и духовные и, больше еще, свѣтскіе,—и бесѣдами, проповѣдями, собраніями, писаніями переспорили всѣ суемудрія сихъ

христородець, убѣдили всѣхъ въ ихъ лживости и тѣмъ спасли вѣру въ королевствѣ своемъ. Теперь страна ихъ чиста отъ христородеца. — Нечестіе это перешло къ французамъ и нѣмцамъ; а отъ нихъ заходитъ и къ намъ, и у насъ расходится потихонку. Какъ же намъ быть? Такъ оставить, — всѣ наконецъ повредятся въ вѣрѣ... Воздвигнуть надо духъ православія въ себѣ самихъ и объединиться въ возстаніи противъ всякаго образа мыслей, несогласнаго съ нимъ. Этимъ однимъ отразимъ враговъ Христа, какъ отразили коалицію враговъ отечества. Начать должны вы — свѣтскіе и изъ васъ тѣ, кои болѣе образованны. Между вами расходится зло, вы должны начать возстаніе противъ него. Ваше молчаніе будетъ или невѣріе, или равнодушіе къ вѣрѣ. Говорите же и пишите. — Вы все слагаете на духовныхъ. — Да, мы только догадками судимъ, какія рѣчи тамъ между вами ходятъ. Кто изъ васъ приходилъ къ духовному отцу и открывалъ ему болѣзнь свою, что «вотъ слышалъ то и то и смущаюсь?!» Едва ли есть кто!.. А иной и совсѣмъ запутался, а приходитъ и говоритъ какъ вѣрующій. Что же можемъ мы, когда вы такъ отчуждаете себя отъ насъ и скрытничаете?! Давайте же вмѣстѣ дѣйствовать! Откроемъ бесѣды съ церковной кафедрой, заведемъ вечера для чтенія и бесѣдованія, будемъ книги составлять, — все сдѣлаемъ въ защиту вѣры. Только сдѣлайте вы начало... Придите и откройте, что такое тамъ дѣлается между вами. — Мы видимъ только, что есть лица, кои составляютъ заговоръ противъ Христа Спасителя и святой Церкви Его. Но какими мыслями они руководятся, не слышимъ... Спорить же съ предположеніями есть тоже, что

бороться съ тѣнями... по неволѣ и остаемся бездѣйственными.

Вотъ договорился я до скорбныхъ рѣчей, но не беру слова назадъ. Господь да умудритъ всѣхъ—и васъ и насъ соединиться во едино въ дѣлѣ защиты вѣры! Ревнитель православія Святитель Николай да озаритъ умы наши, и своею ревностию по святой вѣрѣ да исполнитъ сердца наши стать за славу Бога и святой Его Церкви. Въ этомъ—залогъ не спасенія только вѣчнаго, но и благоденствія земнаго. Аминь.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Огюста Николя.

IX.

ПРИЛОЖЕНІЕ ДОГМАТА ОБЪ ИСКУПЛЕНІИ.

(Окончаніе.)

3. Но догматъ объ искупленіи дѣйствуетъ еще другою силою на сердце человѣка. Эта сила, наиболѣе полезная для добра, потому что страшна для зла, есть любовь.

Любовь—это все сердце, которое само есть весь человѣкъ. Кто умѣлъ возбудить въ сердцѣ любовь, тотъ становится повелителемъ человѣка и можетъ требовать отъ него всего. Всѣ страсти не что иное, какъ видоизмѣненія любви. Нѣтъ человѣка, который былъ бы неспособенъ къ любви, не исключая даже и того, кто ничего не любитъ; потому что такой любитъ себя самаго выше всего. Все разстройство человѣка есть только слѣдствіе

уклоненія этого священнаго огня отъ его естественнаго средоточія, которое есть Богъ, къ намъ самимъ и тварямъ, которыя онъ пожираетъ и разоряетъ. Поэтому нѣтъ возрожденія для рода человѣческаго, пока не найдутъ средства справиться съ этою страшною стихіею нашего нравственнаго существа и пока не обратятъ всей ея дѣятельности къ ея началу. И между тѣмъ,—странное дѣло, стоящее замѣчанія,—никакая философія, ни одна система нравственная, ни одна религія человѣческая не имѣютъ даже и мысли о томъ, чтобы внушать человѣку любовь и направлять его къ добру посредствомъ этого чувства, которое всегда служитъ первымъ препятствіемъ для добродѣли, если не служитъ для нея первымъ двигателемъ. Это и доказываетъ, что коренное перерожденіе человѣка не составляло даже задачи никакой религіи и ни одной системы нравственной. Все онъ оставляли ему самому, съ его беспорядочными, испорченными наклонностями сердечными, часто даже сами развивали ихъ, а во всякомъ случаѣ противопоставляли имъ не больше, какъ пустыя теоріи и холодныя бездушныя правила добродѣтели, которыя не могли имѣть цѣны для сердца человѣческаго. А сердце, однакъ, по естественному внушенію собственной природы, само очень хорошо понимаетъ, въ чемъ состоитъ существенный законъ его жизни, и даже въ самомъ нарушеніи его носить съ собою начало этого закона. Оно только превращаетъ его выраженія, ибо вмѣсто того, чтобы устремить всю свою любовь къ одному Богу, оно самый образъ совершенства Божія переноситъ на предметы своей любви. Сіе-то жалкое превращеніе и было источникомъ идолопоклонства, когда доста-

точно было какой нибудь страсти сдѣлаться преобладающею, чтобы потомъ стать мнимымъ божествомъ, какъ говорить объ этомъ поэтъ: *Sua cuique deus fit diva cupido.* (*) Это явленіе до осязательности представляетъ ту истину, что сердце наше создано для Бога, и что оно ничего не можетъ любить со всею живостию, что не напоминаетъ ему о Богѣ. Поэтому-то Христіанству, постановившему себѣ великую задачу—исторгнуть человѣка изъ подъ разрушительнаго владычества его собственныхъ страстей, надлежало представить его сердцу предметъ, достойный любви безпредѣльной, уловить его его же слабостию и сдѣлать изъ нея свою силу. Такого условія требовала сама природа: одной любви свойственно покорять любовь; и только сердцу можетъ отвѣчать сердце.

И Христіанство, дѣйствительно, не упускаетъ этого условія. Его Божественный Основатель съ пламенемъ любви пришелъ на землю и сильно желалъ, чтобы святымъ пламенемъ ея возгорѣлся весь міръ: *«огонь пришелъ Я низвестъ на землю, говорилъ Онъ, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся (Лук. 12, 49).* Самъ Онъ есть любовь: *Богъ есть любовь,* говоритъ св. Апостолъ. Его первая заповѣдь есть заповѣдь любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всею сердцею твоимъ; и послѣдняя Его заповѣдь есть также заповѣдь любви: какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудите въ любви Моей: Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ (Іоан. 15. 9. 12).* Весь духъ закона Его состоитъ въ любви, такъ что все правила Его, столь многочисленныя, столь строгія и разнообразныя, сводятся въ одной люб-

(*) Virgil. Aeneid. 1. 1. IX.

ви, какъ выразилъ это блаженный Августинъ въ своемъ, по преимуществу, христіанскомъ изреченіи: «люби, и за тѣмъ дѣлай, что хочешь.» Это изреченіе есть какъ бы повторительное эхо того полнаго любви изреченія, которое было сказано Спасителемъ о женѣ грѣшницѣ: *прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много* (Лук. 7, 47). Все Христіанство представляется въ этой достойной вѣчнаго удивленія картинѣ, когда грѣшница слезами своими обливаетъ и волосами головы своей протираетъ ноги Христа Спасителя, принявшаго ее подъ защиту противъ гордой строгости фарисеевъ, и когда она свой, назначенный иной любви, алаватровый сосудъ сокрушаетъ для того, чтобы посвятить его на такое служеніе Спасителю въ ознаменованіе своего благоговѣнія къ Нему.

И смотрите, какъ любовь, съ которою Христіанство добивается отвлечь человѣка отъ всякой другой любви, поставляется въ самыя вѣрныя отношенія къ его намѣреніямъ; какъ оно требуетъ, чтобы любили его предметъ! Вотъ заповѣдь: *возлюби Господа Бога твоего всею сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею крѣпостію твоею, и всею разумніемъ твоимъ, и ближняго твоего, какъ самаго себя* (Лук. 10. 27). Выраженіе рѣшительное и опредѣлительное, мѣра любви совершенная, восторгой должна подчиняться всякая другая любовь!

Но теперь недостаточно только предписывать человѣку любовь, а нужно умѣть вдохнуть ее въ его сердце. Каково бы ни было свободное хотѣніе, а нужно увлеченіе сердечное. Здѣсь ученіе о Крестѣ обнаруживаетъ всю свою могущественную силу. Откровенія благодати Божіей, разлитой повсюду

ду въ природѣ, кроткій голосъ совѣсти были безсильны пробиться сквозь шумный мятежь, какой поднимають вокругъ сердца человѣка предметы чувственныя; требованія ихъ не были на столько живы и настоятельны, чтобы отдалить отъ сердца нападенія похоти и покорить его себѣ исключительно. Чтобы прекратить это великое, произведенное грѣхомъ, разлученіе между Богомъ и душою человѣческою, самому Богу надлежало сдѣлать первый шагъ, и чтобы требовать у сердца человѣческаго любви и самопожертвованія, Ему самому надлежало пріобрѣсть, такъ сказать, права на то любвию и самопожертвованіемъ съ своей стороны. Любовь вызывается только любовью; и въ глубинѣ души человѣческой остается еще естественный инстинктъ великодушія, отвергающаго неблагодарность и отвѣчающаго на безкорыстное самопожертвованіе. Къ этому-то инстинкту и направленъ догматъ объ искупленіи, посредствомъ сего-то инстинкта онъ и овладѣваетъ сердцемъ человѣческимъ для обращенія всей его любви къ Богу. И какъ рѣшительно примѣненъ къ такой великой цѣли этотъ догматъ! Мы уже разсматривали, да и еще можемъ обсудить вопросъ, можно ли какую нибудь любовь сравнивать съ тою любовью, которая открылась въ искупленіи съ такою очевидностію? Кажется, какъ будто бы Богъ рѣшился вступить въ состязаніе со всеми тварями въ любви къ намъ, чтобы получить въ награду наше сердце. Между всеми жертвованіями, къ которымъ могутъ располагать различныя естественныя склонности сердечныя, найдите что нибудь приближающееся къ жертвѣ Крестной. Необъятность этой жертвы такова, что, кажется, благопріятствуетъ

невѣрію представлять ее себѣ безуміемъ; но безуміе Креста есть то безуміе любви, которое составляет премудрость Божию; ибо откровенію безпредѣльной любви и надлежало быть таковымъ, чтобы оно казалось намъ безразсуднымъ, то есть, чрезвычайно страннымъ, когда мы станемъ сравнивать его съ проявленіями нашей любви. Перечислимъ ея свойства. Какое тутъ безкорыстіе! Богъ, самъ въ Себѣ всеблаженный, ужели имѣлъ нужду въ сердцѣ человѣческомъ? Какое великодушіе! Богъ, всесвятый и высочайше праведный, дѣлаетъ шагъ впередъ, идетъ на встрѣчу Своей преступной твари, виновной въ неблагодарности предъ Нимъ, всецѣло оскверненной, всецѣло обезображенной грѣхомъ. Какое самопожертвованіе! Богъ отлагаетъ вѣчныя радости Своей жизни, чтобы облечься въ эту оскверненную и подверженную страданіямъ природу; принимаетъ образъ человека, дабы настичь человека, дабы произвести на него, посредствомъ своего человѣчества, такое впечатленіе, какого безъ него не могъ производить однимъ Божествомъ, дабы плѣнить сердце человѣческое сердечными расположеніями человѣческими. Какая, наконецъ, любовь! Богъ, содѣлавшись человекомъ, принимаетъ на Себя всю тяжесть нашихъ преступленій и по Своему человѣчеству подвергаетъ Себя всѣмъ мукамъ, которыя, какъ Богъ, имѣлъ право обрушить на насъ, усволяетъ Себѣ роль преступника, никакой вины не оставляетъ на долю своей неблагодарной твари, все ея вины переноситъ на Себя и даетъ ей чувствовать ихъ только тѣмъ, что очищаетъ ихъ. А каково это очищеніе! Сколько оно выражаетъ предъ нами великость нашей неблагодарности и

бездѣльность Его любви! Если бы Богъ даровалъ намъ прощенье грѣховъ какънибудь иначе, а не чрезъ Крестъ; то понялъ ли бы кто когданибудь всю важность оскорбленія и всю великость прощенья? Но тутъ все открыто; сомнѣнія въ семъ отношеніи быть не можетъ; нарушеніе закона привлекало на наши головы удары неумолимаго правосудія, что и выполнялось бы всегда; какова же безпредѣльная благодать, которая въ такомъ безнадежномъ состояніи нашемъ прощаетъ намъ все оскорбленіе! И еще болѣе,—какова эта любовь, которая, за невозможностію простить оскорбленіе безъ должнаго наказанія, выполняетъ эту казнь сама на Себѣ, поражаетъ сама Себя, чтобы насъ исцѣлить, ничего не прощаетъ Себѣ, чтобы намъ простить все, сама Себя закаляетъ ради нашего спасенія, пригвозждаетъ Себя ко кресту, чтобы имѣть возможность скрѣпить рукописаніе нашего избавленія, и которая въ этомъ ужасномъ положеніи, нисшедши съ пренебесной высоты своего Божества до послѣдняго уничиженія природы человѣческой, какъ бы успокоивается въ такомъ самопожертвованіи и съ невыразимою кротостію говоритъ къ намъ: «Моя радость — быть вмѣстѣ съ сынами человѣческими. Очень желалъ Я быть съ вами сію пасху,—пасху, Агнцемъ которой былъ Онъ самъ.»

У самыхъ любящихъ душъ спрашиваю, было ли когданибудь представлена, да и возможно ли было когданибудь представить подобную идею любви? Этотъ образъ, такъ далеко стоящій выше простаго человѣка, казненнаго на крестѣ, не становится ли для сердца побужденіемъ самымъ увлекательнымъ, самымъ непреодолимымъ? Представьте

отца, умирающаго для того, чтобы спасти жизнь своего сына; или жену, принимающую на себя казнь, присужденную ей мужу. Чѣмъ болѣе безобразили бы въ сихъ случаяхъ невинную жертву страданія и смерти, тѣмъ болѣе украшали бы ее любовь и благодарность; не было бы во всей природѣ предмета столь увлекательнаго, какъ этотъ достойный любви предметъ; похоронить себя вмѣстѣ съ нимъ было бы сладостнѣе для сердца, чѣмъ во всемъ блескѣ возсѣдать на знаменитѣйшемъ во всемъ мѣрѣ тронѣ, и любовь воспламенялась бы болѣе и болѣе отъ такого причиненнаго насиліемъ безобразія, или лучше, отъ такого высокаго зрѣлища преданности, самопожертвованія и любви. Подобнымъ же блескомъ, только въ высшей степени, сіяетъ и Крестъ Иисуса Христа, и симъ-то Онъ плѣняетъ и плѣняетъ сердце человѣческое. (*)

(*) Кардиналъ Шеверю (Cheverus), говоря однажды въ собраніи протестантовъ проповѣдь о почитаніи Креста, придумалъ такое сравненіе, которое увлекло все собраніе. „Представьте, сказалъ онъ, что какой нибудь великодушный человѣкъ, видя, что врагъ вашъ готовъ поразить васъ мечемъ, бросается между вами и убійцею, и собственною смертію спасаетъ вашу жизнь; и что тутъ же художникъ, пораженный этою чертою героизма, достаетъ портретъ великодушнаго избавителя вашего и, омочивъ его въ крови, текущей изъ его ранъ, вручаетъ этотъ портретъ вамъ. Что бы вы въ такомъ случаѣ слѣдали? Вы бы обратились къ небу съ благодарною любовію, прижали бы портретъ къ своимъ устамъ, оросили бы его своими слезами; вамъ бы показалось даже, что сердце ваше не чувствуетъ такъ живо и сильно, какъ бы вамъ хотѣлось. Братіе мои! это—христіанскій догматъ о Крестѣ. Тутъ

Т. II.

И обратите вниманіе на всю простоту и всю благотворность этого средства (ибо эти двѣ характерныя черты вездѣ повторяются въ Христіанствѣ, какъ и въ природѣ, и очевидно обнаруживаютъ собою одну и ту же дѣйствующую силу): Иисусъ Христосъ умеръ за всѣхъ людей и за каждаго изъ насъ въ частности; во всеобщности Его жертвы никто не можетъ примѣтить и отличить своей частности. Черезъ это устанавливается прямое отношеніе, внутреннѣйшая связь благодарности и любви между каждымъ изъ насъ и всеобщей Божественною Жертвою, которая, сосредоточивая на каждомъ изъ насъ всю силу своего самопожертвованія со всѣмъ его вліяніемъ, какъ бы осаждастъ и преслѣдуетъ насъ, и обращается къ намъ такими словами: «люби Меня такъ, какъ Я возлюбилъ тебя, Я умеръ за тебя.» Еще,—Иисусъ Христосъ умеръ за насъ, и именно за грѣхи наши, за грѣхи каждаго изъ насъ, которые мы дѣлаемъ ежедневно и будемъ еще дѣлать; а такимъ образомъ, измѣняя толикой любви Его къ намъ, мы не только бываемъ неблагодарными чудовищами, но становимся Его распинателями, сами Его распинаемъ. Каждый грѣхъ обагрывается Его кровію, пролитомъ на Крестѣ, и проливается ее вновь, или по крайней мѣрѣ, съизнова вводитъ насъ въ болѣе открытое участіе въ причинахъ и болѣзненныхъ скорбяхъ Божественнаго Страдальца. Можно ли представить

нѣтъ мѣста разсужденіямъ ума; одно сердце можетъ только чувствовать все то, что возбуждаетъ въ немъ этотъ образъ его Бога, умершаго для спасенія ея жизни“. Эти слова такъ увлекли все собраніе, что протестанты забыли свои спорныя вѣрованія и со слезами бросились лобызать Крестъ Спасителя.

мудрѣ владычество любви, которая непрестанно, такимъ образомъ, продолжаетъ по отношенію къ каждому изъ насъ голговецкое жертвоприношеніе? Такъ живо она дѣйствуетъ на сердце человѣческое, чтобы овладѣть имъ, или пробудить его посредствомъ самыхъ чистыхъ инстинктовъ его собственной природы,—состраданія, признательности, великодушія; такъ живо представляетъ она безобразіе порочныхъ удовольствій во всей чернотѣ злобы и отвращенія, и такъ сильно согрѣваетъ чувство долга всѣмъ пламенемъ любви!

Идеальное совершенство красоты, высочайшій образецъ любви, предъ которымъ благоговѣль Платонъ, осуществились на Голгоѣ въ такомъ безпредѣльномъ совершенствѣ и достопоклоняемомъ величій, какъ не представлялось оно никогда въ помыслахъ [Философа; и въ то же время совершенство сдѣлалось видимо и доступно большинству людей и понятно самымъ грубымъ изъ нихъ. Отсюда родилось новое чувство на землѣ, — любовь къ Богу, которая не только изгоняетъ изъ сердца человѣческаго всѣ виды любви нечистой, порочной, его унижающей, но и самое сердце это, слишкомъ узкое, расширяетъ до неизмѣримости, такъ что сообщаетъ ему самую пріемлемость сердца Божія и дѣлаетъ его чрезъ то способнымъ творить чудеса. Съ этимъ чувствомъ съ высоты Креста нисшелъ духъ самопожертвованія. Крестъ — это высочайшій первообразъ самопожертвованія одного Лица ради всѣхъ вообще; а въ этомъ заключается всеобщее основаніе долга, порядка, единодушія, мира, истиннаго счастья и блаженства, основаніе утраченное и опять обрѣтенное, основаніе всего міра правдиваго. Сей-то духъ дѣла-

еть каждаго христiанина способнымъ на всякое самопожертвованiе изъ любви, которая дѣлаетъ для него сладостными всѣ его жертвы, заставляетъ его любить ихъ, потому что ими она и питается.

Кто одушевленъ такимъ чувствомъ, тотъ уже не боится, что правоученiе Евангельское представляется слишкомъ строгимъ и суровымъ. Вся его строгость и непрiятность перемѣняется для него въ сладость и отраду, и онъ съ искреннимъ расположенiемъ къ добру, подъ руководствомъ сего ученiя, стремится быстро по пути къ высшему совершенству. (*) «Для меня жизнь Христосъ (Фил. 1, 21), говоритъ св. Апостоль Павелъ; я распялся со Христомъ; и уже не я живу, но живетъ со мной Христосъ (Гал. 2. 19, 20). Кто отлучитъ насъ отъ любви Божiей? Скорбь ли, или тѣснота, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ?.. Ничто, ничто не можетъ отлучить насъ отъ любви Божiей,

(*) „Иисусъ Христосъ обѣщаетъ своимъ ученикамъ въ настоящемъ только чувствительныя скорби, бѣды, мученiя, кресты... Такъ Онъ призываетъ ихъ къ предстоящему имъ служенiю, и между тѣмъ для убѣжденiя ихъ говоритъ имъ о томъ, что, по видимому, должно бы отвратить ихъ отъ этого призванiя. Видно, ученiе о страданiяхъ въ устахъ Его имѣетъ особенную прiятность: Онъ заповѣдуетъ человѣчеству образъ жизни самый строгiй, и оно повинуется Ему. Говорилъ ли когда нибудь подобнымъ языкомъ какой либо государь, или законодатель, или философъ? Еслибъ рѣшился кто такъ говорить, могъ ли бы убѣдить кого къ послушанiю и повиновенiю? Иисусъ Христосъ говорилъ сердцу, движенiя и пути котораго не извѣстны людямъ.“ D' Aguesseau, Reflexions diverses sur J. Chris. t. XV. p. 468).

«Христъ Иисусъ, Господь нашъ» (Римл. 8. 35, 39).
 «Страданія и смерть нашего Спасителя, гово-
 ритъ со всею искренностію Франсуа de Sales, со-
 ставляютъ самое пріятное и самое сильное побуж-
 деніе, какимъ только можетъ одушевляться наше
 сердце. Гора Голгова есть гора любящихъ. Всякая
 любовь, имѣющая свое начало въ страданіи Спа-
 сителя, непрочно и скоропреходяща. (*) Или лю-
 бить, или умереть; умереть или любить. Умереть
 для всякой другой любви, чтобы жить для одной
 любви Иисусовой. Только чада Креста хвалятся и
 утѣшаются этою удивительною задачею, которой
 міръ никогда не разрѣшитъ.» (*) Дѣйствительно,
 міръ, то есть, тѣ, которые остаются чужды духу
 вѣры Христіанской, не понимаетъ этой святой люб-
 ви; но онъ не можетъ не признавать ея жизни въ
 сердцахъ истинныхъ христіанъ, ибо плоды ея о-
 чевидны. На этомъ-то Божественномъ жертвен-
 никѣ возжигается пламя любви къ ближнимъ, ко-
 торая есть не иное что, какъ таже любовь къ Бо-
 гу, обращенная къ людямъ. Этою-то любовію
 горѣли сердца такого множества Апостоловъ, му-
 чениковъ, исповѣдниковъ и святыхъ во всякомъ
 вѣнчаніи и состояніи, имена которыхъ всегда остаются,
 какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе человечества.
 Она одна и теперь увлекаетъ въ отдаленнѣйшія
 страны многихъ изъ нашихъ согражданъ, которые
 отказываются отъ всѣхъ удобствъ и пріятностей
 цивилизаціи, чтобы пронести съ свѣтильникомъ

(*) Тотъ не знаетъ истинной нѣжности души, кто никог-
 да не былъ благочестивъ." (Pensées, Essais et Maximes
 de J. Joubert, t. 1, p. 105).

(*) Traité de l' amour. de Dieu, dernier chapitre.

вѣры и свѣтильникъ цивилизаціи въ среду самыхъ дикихъ племенъ, безъ всякаго другаго интереса, кромѣ того, чтобы *пріобрѣтать*, какъ выражаются они, души *Иисусу Христу*, и безъ всякихъ другихъ видовъ впереди, кромѣ лишеній, гоненій, а часто мученій и самой смерти. Только любовь и могла изобразить саму себя такъ, какъ представлена она въ извѣстномъ сочиненіи о *подражаніи Иисусу Христу*: «Великое дѣло — любовь, это высочайшее благо; она одна все тяжкое дѣлаетъ легкимъ и одинаково переноситъ все превратности жизни; она несетъ свое бремя, не чувствуя его тяжести, и дѣлаетъ сладостнымъ и пріятнымъ все, что есть въ немъ горькаго.—Любовь великодушна, она располагаетъ къ совершенію великихъ дѣлъ и возбуждаетъ стремленіе ко всему, что есть совершеннѣйшаго. Кто любитъ, тотъ стремится, летитъ, радуется; онъ свободенъ, ничто его не задерживаетъ; онъ отдаетъ все всякому, не смотритъ на дары, но возводитъ свои взоры выше всехъ даровъ,—къ небесному Раздаателю ихъ. Никакое бремя не тяжело для любви, никакой трудъ не затрудняетъ ея; она дѣлаетъ попытки на большее, чѣмъ можетъ, и никогда не извиняется невозможностію, потому что вѣруетъ, что ей все возможно и доступно ея отвагѣ. Она никогда не ищетъ самой себя, ибо гдѣ ищутъ себя, тамъ уже нѣтъ любви. Въ испытаніяхъ она не предается унынію; ибо нельзя жить безъ огорченій, когда любятъ; и тотъ, кто не имѣетъ готовности все терпѣть ради возлюбленнаго, недостойнъ имени любящаго. Любовь бодрственна и во время самага сна она не дремлетъ. Ее могутъ утомлять, но не ослаблять, стѣснять, но не принуждать, устрашать, но не смущать; в

она всегда, какъ живое и яркое пламя, подымается и течетъ неудержимо.—Нѣтъ ничего сладостнѣе любви, нѣтъ ничего сильнѣе, возвышеннѣе, обширнѣе, привлекательнѣе, совершеннѣе ея ни на небѣ, ни на землѣ; потому что любовь рождается только отъ Бога и можетъ успокоиваться только въ Богѣ, превъше всеѣхъ предметовъ сотворенныхъ. Боже мой! Любовь моя! Ты все для меня, и я весь для Тебя! Расшири сердце мое такъ, чтобы я изъ внутренняго вкушенія позналъ сколь сладостно любить, таять и плавать въ любви».

Правда, можно не чувствовать Божественной любви; но надобно быть совершенно чуждымъ всякой любви, чтобы не признавать существованія этого небеснаго огня во всеѣхъ сердцахъ, которому недостаетъ только предмета его достойнаго, для его обнаруженія въ свойственныхъ ему чудесахъ.

Сіе-то чувство возжено на землѣ ученіемъ о Крестѣ, по освобожденіи сердца человѣческаго отъ подавлявшихъ его предметовъ сотворенныхъ и эгоизма, и обращено къ своему началу во всей его чистотѣ.

4. Этотъ предметъ неисчерпаемый; но изъ опасенія, что наше изслѣдованіе о немъ можетъ показаться слишкомъ длиннымъ, мы не станемъ измѣнять истинѣ, которая требуетъ отъ насъ всего ея раскрытія.

Доселѣ мы разсматривали значеніе догмата объ искупленіи только со стороны отношеній между Богомъ и человѣкомъ; намъ остается еще изслѣдовать его со стороны отношеній взаимныхъ между людьми. Мы будемъ останавливаться здѣсь только на главныхъ положеніяхъ.

Здѣсь еще мы будемъ удивляться многоплодной простотѣ премудрости Божіей, которая однимъ

и тѣмъ же средствомъ достигаетъ самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Ученіе о взаимномъ братствѣ людей между собою было изглажено съ лица земли; оно было утрачено, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ потерей догмата о единствѣ Божіемъ, который служитъ для него основаніемъ; и челоѣчество раздробилось на множество поколѣній, или національностей, другъ другу враждебныхъ. Не было ничего общаго въ отношеніи общественномъ между Грекомъ и Варваромъ, между свободнымъ и рабомъ, между мужчиною и женщиною, между богомъ—цезаремъ и бѣднякомъ — плебеємъ. Война, война глухая была повсюду,—на границахъ, въ провинціяхъ, на площадяхъ, въ циркѣ, въ мастерской, даже у домашняго очага. Одна грубая сила распоряжалась міромъ, и мечъ Брута, или Катона служилъ единственнымъ выраженіемъ права и свободы. Кто же могъ расторгнуть всѣ эти цѣпи, привести къ одному уровню всѣ эти неравенства, возбудить одинаковыя трепетанія сердца во всякой груди челоѣческой, поставить орудіе казни рабовъ поверхъ короны Цезарей и склонить Цезаря до умовенія ногъ послѣднему изъ плебеевъ? Кто могъ направить молодыхъ женщинъ къ болѣе усердному перевязыванію ранъ гладіатору, а не къ подаванію въ циркѣ знаковъ о его смерти? Кто могъ затерявшагося на предѣлахъ міра и цивилизаціи варвара сдѣлать братомъ и другомъ философу и патрицію, до того что они отказывались отъ успѣховъ въ Портикѣ и почестей въ Сенатѣ и шли далеко, подъ непріязненное имъ небо, распространять истину съ пролитіемъ собственной крови? Кто могъ совершить всѣ эти чудеса, безъ всякаго для себя интереса и безъ всякой внѣшней силы, однимъ

объденіемъ и любовію? Іисусъ Христосъ распятый. Онъ одинъ смирилъ всякую гордость, сокрушилъ всякую власть, уничтожилъ все призраки нашихъ отличій, представляя всѣхъ насъ равно виновными предъ Богомъ, проводя надъ міромъ великій уровень Его правды и все человечество въ совокупности обращая къ одному Своему Кресту!

И какъ краснорѣчиво выражается Крестомъ всеобщее равенство наше по преступности предъ Богомъ, когда Онъ богатыхъ разоблачаетъ своею наготою, великихъ міра смиряетъ своимъ безславіемъ, притѣснителей поражаетъ своимъ изнеможеніемъ! Христосъ распятый есть представитель всего человечества; *се человекъ!* Каждый человекъ, можно сказать, образно распятъ на крестѣ Его, и тѣмъ болѣе, тѣмъ кто болѣе богатъ, болѣе великъ, болѣе отличенъ дарами счастія, которые такъ часто служили грѣхамъ. Съ поднятіемъ этого знамени всѣ люди становятся равны между собою по естественной бѣдности и безславію, развѣ съ тѣмъ только исключеніемъ, что чѣмъ кто выше по симъ качествамъ, тѣмъ онъ ниже общаго уровня.

Но тотъ же догматъ о Крестѣ, который такъ уничижаетъ великихъ міра, возноситъ смиренныхъ. Іисусъ Христосъ есть представитель не только человечества виновнаго и осужденнаго правдою Божіею, но вмѣстѣ и человечества спасаемаго, искупленнаго, обоженнаго. На Крестѣ человечество возрождено къ новой жизни, всецѣло Божественной, и чрезъ то превознесено выше всѣхъ нашихъ отличій и преимуществъ нашихъ къ истинному величію, степени котораго, въ противоположность степенямъ мнѣнія людскаго и сча-

стія земнаго, измѣряются восхожденіями на высоту истины и добродѣтели; первообразъ которыхъ въ Иисусъ Христъ. Сколько чести и достоинства пріобрѣтаетъ здѣсь человѣчество, и какъ блѣденъ предъ кривою Богочеловѣка весь пурпуръ великихъ міра! Если бы Богъ Спаситель умеръ только ради одной извѣстной части человѣчества, а не ради другой, ради одного поколѣнія, или фамиліи въ частности: то сколько бы это привилегированное поколѣніе, или фамилія имѣли поводовъ считать себя вышними прочихъ людей? Но нѣтъ; Богъ устроилъ это дѣло не такъ; Спаситель умеръ за всѣхъ и нѣтъ здѣсь никакого исключенія; Грекъ и варваръ, господинъ и рабъ, Іудей и язычникъ, — все искуплены, весь міръ помилованъ, возстановленъ и возвыщенъ Крестомъ до высокаго благородства чадь Божіихъ. Каждый человѣкъ безъ исключенія, потому только одному, что онъ человѣкъ, искупленъ — Богомъ и Спасителемъ, пріобрѣтаетъ чрезъ Его Крестъ титулъ этого благородства, которое изглаждаетъ всѣ другія и которое, внушая ему самое высокое сознаніе о своемъ достоинствѣ, не можетъ обратиться въ источникъ гордости и тиранніи, — потому что оно нераздѣлимо соединяется съ понятіемъ о крайнемъ униженіи нашемъ еще въ прародителяхъ и потому что оно общее для всѣхъ.

И такъ какъ для пріобрѣтенія и сохраненія этого достоинства необходимо, сколько возможно, тѣснѣе соединиться и какъ бы слиться съ униженіемъ Иисуса Христа распятаго: то само собою слѣдуетъ, что самые бѣдные изъ христіанъ, самые несчастные и безталанные по суду міра дѣ-

наются богатыми, великими и могущественными у Бога. Этимъ самымъ мы и возбуждаемся ко взаимному соединенію и уваженію другъ друга, въ обратномъ отношеніи къ тому, сколько раздѣляются насъ эти самыя отличія и блага, и по силѣ этого отношенія рукою любви удобнѣе надѣляются между людьми сами эти несчастные, которые здѣсь находятъ для себя примиреніе съ своею долею, обезпеченіе по жизни внутренней и по жизни внешней—въ хлѣбѣ духовномъ и тѣлесномъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ то великое равенство, которое утверждено въ Христіанствѣ Крестомъ Иисуса Христа. Оно низводитъ подъ одинъ уровень всѣ отличія гордости человѣческой, земныхъ боговъ приравниваетъ ко всѣмъ вообще грѣшникамъ, имѣющимъ нужду въ милосердіи Божіемъ и въ спасительной благодати, и бѣднымъ и униженнымъ міра, также какъ и великимъ, даруетъ туне освященіе по мѣрѣ ихъ вѣры и вѣрности, а изъ всѣхъ вообще посредствомъ любви устрояетъ единое царство Богочеловѣка, или единое таинственное тѣло Его.

Но великій союзъ, которымъ Крестъ Иисуса Христа воссоединяетъ всѣхъ людей, есть союзъ любви, которую они обязаны питать другъ къ другу.

Возлюбивъ всѣхъ насъ равною любовію и равно отдавъ на крестъ за всѣхъ насъ жизнь свою, Иисусъ Христосъ показалъ, что и мы въ этой любви и въ этой жизни взаимно сближены и соединены между собою, какъ члены одного тѣла. Мы всѣ жили въ Иисусѣ Христѣ на крестѣ, какъ Онъ живетъ въ каждомъ изъ насъ на землѣ. Поэтому въ люди становятся между собою взаимно исти-

ными братьями, живыми образами одного и того же Бога, предметом одной и той же любви, наследниками всѣхъ правъ, какъ и всѣхъ обязательствъ этой любви, и въ слѣдствіе того должны любить другъ друга, какъ Богъ возлюбилъ насъ, платить другъ другу безконечный долгъ, лежащій на насъ по отношенію къ общему Спасителю нашему, и продолжать въ самихъ себѣ великое дѣло искупленія, каждый подражая Ему въ преданности и самопожертвованіи благу и спасенію своихъ братьевъ. (*) Таже любовь, которая на Крестѣ соединяетъ насъ съ Богомъ, соединяетъ насъ также и съ нашими братьями; сила, которая влечетъ насъ туда, и здѣсь сближаетъ насъ между собою и служитъ для насъ средоточіемъ, въ которомъ всѣ мы сходимся, какъ радіусы круга въ своемъ центрѣ, но такого круга, котораго центръ вездѣ и окружность нигдѣ не ограничивается предѣлами.

Такова, поистинѣ, любовь христіанская, любовь, которая удерживаетъ одно и то же имя на языкѣ Евангелія,—исходитъ ли она отъ Бога къ человѣку, или отъ человѣка возвращается къ Богу, или отъ человѣка изливается на человѣка. И это потому, что какъ всѣ люди становятся едино во Христѣ Иисусѣ, а самъ Иисусъ Христосъ есть едино съ Богомъ Отцемъ своимъ, и едина ихъ любовь; такъ и высочайшее выраженіе этого единства есть любовь.

(*) 1 Иоан. 3, 16. 17. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ душу свою положилъ за насъ; посему и мы должны полагать души за братьевъ. А кто имѣетъ богатство міра сего, но видя брата своего имѣющаго нужду, затворяетъ отъ него сердце свое, въ томъ гдѣ любовь Божія?

которая сама обрѣтаетъ для себя высочайшее выра-
женіе въ Крестѣ Иисуса Христа, какъ бы общемъ
центрѣ неба и земли.

Здѣсь мы останавливаемся въ нашихъ изслѣ-
дованіяхъ о догматѣ искупленія. Они представля-
ются очень неудовлетворительными и неполными,
если сравнивать ихъ съ глубиною и неисчерпае-
мымъ богатствомъ предмета, о которомъ никогда
никакой языкъ человѣческой не могъ бы достой-
нымъ образомъ излагать, и о которомъ можно
больше мыслить и чувствовать, чѣмъ передавать
другимъ. Долгъ каждаго читателя почерпнуть для
себя изъ этого глубокаго источника то, что наибо-
лѣе сообразно съ его знаніями и личными чувствами,
и усвоить себѣ, въ развитіи собственнымъ раз-
мышленіемъ, тѣ сѣмена, которыя мы здѣсь пред-
лагаемъ ему для возвращенія. Но съ какой бы сто-
роны ни разсматривали этотъ предметъ, съ какимъ
бы благоговѣніемъ ни углублялись въ него испыты-
вающею мыслию, необходимымъ слѣдствіемъ всякаго
подобнаго изслѣдованія, какъ намъ кажется,
всегда должно быть то общее глубокое убѣжденіе,
что дѣйствительно ничто въ мірѣ лучше не до-
казываетъ истины единства Божія, какъ Христіан-
ство, и въ особенности ничто такъ не доказываетъ
Божества Иисуса Христа, какъ догматъ объ искуп-
леніи. Одинъ только Богъ въ состояніи обладать
такимъ знаніемъ немощей сердца человѣческаго,
чтобы приступить къ врачеванію его болѣзни та-
кимъ врачевствомъ. Одинъ только Богъ могъ вла-
дѣть въ такой степени тайною природы нашей,
чтобы врачевство, намъ предложенное, столько же
состояло въ кажущемся противорѣчій и въ тоже
время въ прямомъ соотвѣтствіи съ существенными

потребностями нашего первоначальнаго состоянія, сколько и превышало всѣхъ понятія человѣческія не по глубинѣ только своей премудрости, но и по своей высшей странности, по которой она представляется безуміемъ. Тайна Креста дѣйствительно такова, что не только мысль о ней не могла придти ни въ какую голову человѣческую, но она одна поставляетъ между Богомъ Спасителемъ и разумомъ человѣческимъ непроходимую бездну, изъ глубины которой возникаетъ слѣдующая дилемма: или разумъ человѣческій, около времени явленія Христіанства, былъ въ здоровомъ состояніи и обладалъ мудростію; въ такомъ случаѣ Иисусъ Христосъ не заслуживалъ бы даже имени человѣка, такъ страненъ его образъ мыслей; или же разумъ человѣческій былъ испорченъ до сумасбродства, и обязанъ Иисусу Христу своимъ исцѣленіемъ; въ такомъ случаѣ необходимо слѣдуетъ, что Иисусъ Христосъ есть Богъ; потому что тотъ, кто одинъ только остался недоступнымъ этому всеобщему поврежденію разума человѣческаго и такъ вѣрно сохранилъ залогъ его, могъ быть не иной кто, какъ самъ Виновникъ этого разума. Но вѣдь это же неоспоримый фактъ, очевидность котораго возрастаетъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ; теперь поражаетъ всякаго, что разумъ человѣческій находился въ послѣдней степени испорченности и заблужденія, когда явился Иисусъ Христосъ, и что только подъ вліяніемъ началъ христіанскихъ онъ началъ мало-по-малу приходить къ здоровому и познанию истины, и при реформахъ, къ которымъ непрестанно стремится, онъ подвигается къ высшему совершенству только среди самыхъ насильственныхъ потрясеній. Слѣдовательно Иисусъ Хри-

стость есть Богъ. Онъ есть Богъ и Творецъ природы; потому что Онъ, какъ Творецъ, возсоздалъ міръ нравственный и хранитъ его. Онъ есть Богъ, потому что возлюбилъ насъ даже до смерти, и своею смертію даровалъ намъ жизнь. Онъ есть Богъ, потому что Онъ устроилъ спасеніе человѣчества такимъ дѣломъ, которое рѣшительно можетъ быть только дѣломъ Божиимъ, и которое, по своей исключительной необычайности, Его самага привело въ исключенію изъ числа человѣчества. Онъ есть Богъ, потому, наконецъ, что въ этомъ дѣлѣ, столь непостижимомъ, раскрылъ и примирилъ съ искусствомъ, поистинѣ, Божескимъ, и святость, и правду, и любовь, и премудрость, и всемогущество въ безпредѣльной степени, и представилъ образъ безпредѣльнаго совершенства Божія въ соотвѣтствіи тому мраку и униженію, до какихъ низведенъ былъ образъ человѣческій, такъ что всецѣло переродилъ человѣка и въ Немъ возсіяли такія знанія добродѣтели и надежды, какихъ прежде и не знала земля.

И безъ сомнѣнія, нѣчто великое составляетъ эта тайна благочестія: Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духъ, показалъ Себя Ангеламъ, проповѣданъ народамъ, принятъ въ рою въ міръ, вознесся во славу (1 Тим. 3, 16).

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 21 Августа 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

Петербургъ, Февраля Архипа Писаря
 1807 года.

Табола въ Типографіи А. А. Ступеница, въ Лавинской улицѣ.
 21 Августа 1807 года.